

Память... Пусть будет она жива в сердцах всех людей, сердцах односельчан. Память о войне, о пришедших и не пришедших с ее фронтов должна стучать, должна будить... Спросите у себя, у детей своих — что вы знаете о дедах и прадедах, о корнях своих, благодаря которым вы живете, радуетесь солнцу и небу? Вот это и есть память.

Отец мой, Николай Титович Скалин, всю жизнь проживший в Соболеве, и на фронт уходил отсюда и вернулся сюда же. Инвалидом...

Его внучка Наташа родилась многие годы спустя. Однажды,

увидев старую, еще довоенную фотографию деда, где он сидит за школьной партой, положив на нее руки, она удивленно воскликнула: «Мама, оказывается у дедушки было две руки!».

Было... Все было в его жизни: нелегкое детство, юность, прерванная войной, тяжелые военные дороги, ранение. Уже несколько лет, как он ушел из жизни, и осталась о нем память в виде этих записок-воспоминаний, составленных мною по просьбе Е. Ф. Радьковой. Долгое время лежали эти пожелтевшие листки, ждали своего часа...

Н. ОРЕХОВА.

И наступила мирная жизнь

Из воспоминаний Н. Т. Скалина

— Осенью 1942 года я попал в 64 стрелковый полк. К тому времени он стоял в резерве здесь, на Дальнем Востоке. Потом нас отправили на запад... В конце 1944 года группу из одиннадцати человек, в том числе и меня, направили в разведку. Задача — проверить дорогу, по которой продвигалась наша часть. Это было под Гомелем. Мы не должны были стрелять. Пошли... На дороге наткнулись на немецкую машину, в кузове человек восемь, в кабине двое... Наш командир приказал:

— Взять машину и обязательно шофера живым... Нам это удалось. Двоих немцев мы доставили в расположение своей части. Они дали ценные по тем событиям данные. За эту операцию я и мои товарищи были награждены медалями «За боевые заслуги».

...Настоящую войну мы ощутили в 1944 году, ближе к осени... Я участвовал в наступлении на Варшаву. Наша рота заняла высоту и нужно было ее удержать во что бы то ни стало. Нас было около 70 человек, фашистов — в три-четыре

раза больше, да и техники на этом участке у них было больше. Держались ночь... А утром пошли в наступление.

После этой операции нам дали отдых двое суток. Подходили наши войска. Но и к немцам добавилось подкреплений. Готовились к решительному штурму Варшавы... Сам бой помню, как во сне, — все бежали, кричали «ура», кто-то падал, обгоняли друг друга, стреляя на ходу. Шум, лязг, грохот... Потом я упал. Сразу и не понял ничего. Потом почувствовал резкую боль в левой руке. Не помню, сколько пролежал, очнулся, пополз. Где мог, шел в сторону наших. Терял сознание от потери крови, двигался, сколько мог. Потом упал. Лежал, видно, долго. К счастью, недалеко от дороги. Очнулся, когда меня поднимали наши солдаты и отнесли в кузов стоящей машины. Положили...

Последнее, что помню, — нащупал правой рукой то, на чем лежу — вроде, мешки с сухарями... Опять потерял сознание... Очнулся уже в лесу, в палатке... Без левой руки. Чудо сде-

лал военный врач в лесном санбате — остался я жить... Было обидно, что совсем немного не дошел до Варшавы — уже и башни города были видны...

Из санбата меня, вместе с другими ранеными, отправили в город Ковель, а потом в город Гомель. Помню, что города эти были сильно разрушены, разбиты. Но были уже освобождены от врага...

Как инвалида меня отправили домой. До Владивостока добирался дней 15—20. Два месяца ждал там пароход на Камчатку. В Соболево прибыл 16 января 1945 года.

...Работал сторожем в совхозе, разнорабочим. День Победы встретил здесь, в своем селе. Вечером 9 мая из Руси приехал начальник и еще один офицер. В клубе собралось много народу... Начальник заставы стал подробно рассказывать о войне. Люди плакали...

...Постепенно жизнь в селе налаживалась. Я работал, позднее женился... Как жили? По всякому бывало. И хорошее, и плохое. Но было главное — была мирная жизнь...